

Спящему Мао Сяочуаню приснился сон — в нём он увидел маму, которую не встречал уже несколько месяцев. Переполненный чистой детской радостью, он прильнул к ней, ласкаясь и ища тепла. Мать тоже была счастлива: она крепко обнимала его, нежно гладила по голове и то и дело целовала. Даже во сне Сяочуань отчетливо чувствовал её безграничную любовь.

Но идиллия длилась недолго. Внезапно, словно из-под земли, вырос отец — свирепый, с перекошенным от ярости лицом. Он угрожающе замахнулся толстой деревянной палкой, сплюнул на землю и ткнул в сторону сына грубым пальцем:

— Ах ты щенок! Каких дел ты там опять на стороне наворотил?

Сяочуань в испуге замотал головой: нет, ничего он не делал, прилежно учился и вел себя в школе тише воды, ниже травы.

Разве разъяренного пьяницу переубедишь? Отец и слушать не желал. Заревев, он бросился на него с палкой наперевес. Закричал, что учитель уже звонил и всё высказал: негодный сын совсем от рук отбился, воровать начал, да так, что его поймали с поличным и все доказательства на стол выложили.

Мао Сяочуань отчаянно всё отрицал. Дрожа от страха, он попытался спрятаться за материнскую спину, надеясь найти там спасение. Но удар тяжелой палки всё равно настиг его — пришелся точнехонько по ягодицам. Боль оказалась настолько резкой и невыносимой, что парень не выдержал и разрыдался.

Он плакал навзрыд, слезы градом катились по щекам. Ведь он уже вырос, стал совсем взрослым, а отец до сих пор порол его как неразумное дитя, целясь исключительно пониже спины. Вид этой тяжелой дубины, со свистом рассекающей воздух, наводил леденящий ужас.

Мао Сяочуань кричал во весь голос, умолял отца пощадить его, звал маму на помощь. Но когда мать наконец обернулась, её лицо разительно изменилось.

Оно сделалось чужим и пугающе бесстрастным. На парня уставились холодные, лишенные тепла черные глаза. Лицо хранило гробовое молшание. От этого леденящего взгляда у Сяочуаня перехватило дыхание, и крик застрял в горле.

Однако мгновение спустя лицо вновь приняло любящие, встревоженные черты матери. Сяочуань потянулся к ней, но, присмотревшись ближе, с ужасом обнаружил, что перед ним — Юань Синь. Стоило отшатнуться назад, как черты вновь размылись, возвращая облик мамы.

Образы сменяли друг друга, колеблясь между безразличием и нежностью. Они метались туда-сюда, лишая рассудка и заставляя голову идти кругом.

Станный силуэт, соединивший в себе маму и Юань Синя, застыл прямо перед ним,

равнодушно взирая на то, как тяжелая палка с глухим стуком раз за разом опускается на его ягодицы. Слышались лишь резкие, хлёсткие удары: шлёп, шлёп, шлёп...

— Мама!.. — дико закричал Мао Сяочуань и проснулся.

— Что случилось? — раздался негромкий, слегка хрипловатый юношеский голос, и кто-то мягко, но настойчиво встряхнул его за плечо.

Мао Сяочуань распахнул глаза. Под потолком тускло светил ночник, заливая комнату мягким полумраком. Прямо над ним склонился Юань Синь. Его глубокие черные глаза светились неподдельной тревогой. Пусть в них не было приторной ласки, но они определенно не походили на тот мертвенный лед из кошмара. Это был настоящий Юань Синь. Живой и осязаемый.

Сяочуань попытался что-то сказать, но из пересохшего, осипшего горла вырвалось лишь невнятное сипение.

— Кошмар приснился? — в голосе Юань Синя проскользнули непривычные, почти нежные нотки. Он протянул руку и коснулся щеки друга — ладонь была теплой, отчего по коже пробежали приятные мурашки.

— Угу... — Мао Сяочуаню стало неловко. Он завозился, приподнялся и провел ладонью по лицу — пальцы мгновенно стали мокрыми от слез.

— Что привиделось? — тихо спросил Юань Синь.

— Мама... — пробормотал Сяочуань. На душе по-прежнему скребли кошки, и откровенничать не хотелось. Он выдавил лишь одно это слово, обрывая расспросы. Слишком свежа была рана. Ему меньше всего хотелось ворошить прошлое, выставляя напоказ свои семейные драмы, и уж тем более он не желал чужой жалости или насмешек.

— Соскучился по ней? — Юань Синь потянулся к навесной полке над кроватью, выудил оттуда пачку салфеток и протянул Мао Сяочуаню.

Сяочуань благодарно принял их, неловко утер лицо и шумно высморкался.

— Да... Давно я дома не был.

Юань Синь не стал допытываться. Он молча забрал использованные салфетки, которые Сяочуань растерянно крутил в руках, откинул одеяло и поднялся с постели. Выбросив мусор в ведро, он тихо вышел из спальни в сторону кухни.

Через пару минут он вернулся, неся в руках стакан теплой воды. Протянув его Сяочуаню, Юань Синь снова юркнул под одеяло.

Сяочуань обхватил пальцами теплое стекло и сделал первый глоток. Из-за пережитого кошмара он всё ещё шмыгал носом, а в горле стоял противный, горький ком, мешавший нормально дышать. Тоска из сновидения никак не желала отпустить его.

Юань Синь мягко приподнял его за плечи, поправил подушку и бережно устроил у него за спиной, помогая сесть поудобнее.

— Посиди немного, так легче.

Мао Сяочуань послушно кивнул и снова припал к стакану. Жажда мучила его немилосердно. Пренебрегая тем, что вода была довольно горячей, он жадно, большими глотками осушил стакан до дна и протянул пустую посуду обратно.

— Еще налить? — поинтересовался Юань Синь.

Сяочуань покачал головой и посмотрел на друга полными признательности глазами:

— Спасибо тебе.

Юань Синь промолчал. Он поставил стакан на тумбочку и повернулся обратно к постели.

— Погоди... — Сяочуань случайно мазнул взглядом по его фигуре и осекся. Воротник пижамы Юань Синя слегка распахнулся, обнажая шею и ключицы. Сяочуань невольно зацепился глазами за одну деталь, и его сердце испуганно пропустило удар. Он несмело указал пальцем на чужую грудь: — Юань Синь... у тебя на груди... это что за красные пятна?

Юань Синь опустил взгляд. Его лицо не выразило ни тени смущения. Он спокойно, без лишней суеты застегнул верхние пуговицы пижамы:

— Не знаю. Наверное, спал неловко, вот и отлежал.

Сяочуань судорожно сглотнул и отвел глаза, не решаясь проронить ни слова. Но любопытство так и подмывало его украдкой бросить еще один взгляд.

Дело в том, что у Мао Сяочуаня имелся один крайне постыдный секрет, о котором он никому и никогда бы не рассказал. В раннем детстве он обожал спать исключительно в обнимку с матерью. Более того, чтобы крепко уснуть, ему непременно нужно было уткнуться носом ей в грудь. Спал он при этом невероятно беспокойно: то щипался, то пускал в ход зубы. Бедная женщина частенько просыпалась посреди ночи оттого, что её маленькое зубастое чадо решило

проверить на прочность её кожу... С этой дурной привычкой он не мог расстаться лет до шести. Мать жалела его и не смела поднять руку, а когда за ремень пытался взяться отец, тут же вставала на защиту сына. В конце концов родителям это изрядно надоело, и они приняли суровое решение — сослали мелкого пакостника на целый год в деревню к бабушке, назвав это запоздалым «отъёмом от груди».

Одному богу известно, через что прошел маленький Сяочуань за тот год ссылки. Он и сам уже почти ничего не помнил из того периода. Одно осталось неизменным: засыпая, ему жизненно необходимо было за что-то держаться руками. Хотя бы обнимать край одеяла, свернув его валиком. Иначе тело сковывала необъяснимая тревога, и он всю ночь ворочался без сна.

При этой мысли Сяочуаня бросило в холодный пот. Когда Юань Синь пошевелился, он отчетливо разглядел на его бледной коже розоватые пятна и совершенно недвусмысленные следы зубов.

«И этот дурак еще думает, что просто спал неудобно!»

Впрочем, раз Юань Синь ни о чем не догадался, признаваться во всем добровольно было бы верхом глупости. Это же такой позор! Мао Сяочуань еще не окончательно выжил из ума, чтобы самолично выдать этот стыдный грешок. Меньше знает — крепче спит.

Сгорая от стыда, Сяочуань больше не проронил ни слова. Он послушно сполз под одеяло и зажмурился, с нетерпением ожидая, когда Юань Синь наконец выключит свет и ляжет рядом. Лишь когда комната погрузилась во тьму, он позволил себе тихонько выдохнуть. Чтобы посреди ночи вновь не сотворить какое-нибудь непотребство, Сяочуань демонстративно отвернулся к стене. Он сжался в комочек на самом краю кровати, демонстрируя феноменальную, невиданную прежде твердость духа.

Он лежал замерев, превратившись в одно большое ухо, и напряженно вслушивался в дыхание соседа. План был прост: дождаться, пока Юань Синь крепко уснет, и только тогда позволить себе отключиться. Опозориться один раз — ладно, с кем не бывает. Но сесть в лужу дважды за одну ночь перед одним и тем же человеком — это уже катастрофа вселенского масштаба.

Сяочуань честно пытался бороться. Но усталость брала свое: веки наливались свинцом, глаза слипались. Тогда он незаметно запустил руку под одеяло и со всей силы ущипнул себя за бедро. Резкая боль мгновенно прогнала дремоту. Чтобы окончательно не проиграть этот бой со сном, он подложил согнутую в локте руку под голову, уперся щекой в ладонь и призвал на помощь всю свою силу воли.

Но не прошло и пяти минут, как опора соскользнула с подушки. Голова Сяочуаня с глухим стуком рухнула вниз. От неожиданного падения парень вздрогнул и резко распахнул глаза. Сон как рукой сняло.

Увы, заряд бодрости испарился так же быстро, как и появился. Спать хотелось нестерпимо. Срочно требовалось придумать что-то более действенное.

Пока Сяочуань лихорадочно соображал, как быть, позади него послышался шорох. В следующую секунду к его спине вплотную прижалось чужое теплое тело. Длинная рука обвила его поперек талии, а в шею уткнулось горячее дыхание.

Юань Синь что-то неразборчиво пробормотал сквозь сон.

Сяочуань заledenел, боясь даже вздохнуть. Его глаза в панике округлились, а ресницы мелко затрепетали во тьме. Что этот парень творит?! Неужели круглые отличники тоже страдают лунатизмом? Неужели они разговаривают во сне?

Однако время шло, а Юань Синь больше не проронил ни звука. Сзади доносилось лишь ровное, умиротворенное дыхание спящего человека.

— Юань Синь... — едва слышно позвал Мао Сяочуань.

Ответа не последовало.

— Ты спишь? — шепотом спросил он и попытался осторожно убрать чужую руку со своего бока. Но стоило ему коснуться пальцами предплечья Юань Синя, как хватка окрепла, стиснув его талию еще плотнее.

— Дапусти ты... — Сяочуань начал терять терпение. Он резко повернулся назад, и его губы внезапно наткнулись на что-то мягкое и прохладное.

Парень оцепенел. Осознание произошедшего накрыло его лавиной секундой позже. Перепугавшись до полусмерти, Сяочуань молниеносно отвернулся обратно, уставившись в стену. Сердце в груди колотилось так бешено, словно готово было пробить ребра.

«Это что... были его губы?!»

Мао Сяочуань готов был взвыть от бессилия. Мысли неслись вскачь, сталкиваясь друг с другом. За всю свою жизнь он целовался только с мамой в далеком детстве, когда та нежно целовала его перед сном. Парень свято верил, что его настоящий первый поцелуй достанется прекрасной девушке — ну или хотя бы милой девчонке, которая ему искренне понравится.

И каков итог? Глухой ночью он умудрился по ошибке чмокнуть парня!

«Какого черта я вообще повернулся?!»

«Ладно, спокойно. Если бы Юань Синь понял, что его поцеловал парень, он бы точно не лежал так мирно. Раз он не реагирует, значит, крепко спит. А раз он спит, то и оправдываться перед ним не нужно. Сделаю вид, будто ничего не произошло. Забудем как страшный сон»

Убедив себя в этом, Сяочуань почувствовал, как напряжение постепенно покидает тело.

Лишь когда дыхание Сяочуаня выровнялось и он окончательно провалился в глубокий сон, Юань Синь бесшумно вздохнул.

Он сам поражался собственной выдержке — тому, как мастерски ему удалось притвориться спящим. В тот миг, когда Сяочуань повернулся и мимолетно коснулся его губ своими, между ними словно пробежал мощный электрический разряд. Этот импульс мгновенно разошелся по всему телу, взбудоражив кровь. Жар дикой волной прокатился по венам, разжигая внутри настоящее пламя. Ему стоило невероятных усилий не выдать себя, не позволить этой буре вырваться наружу и обнажить его истинные чувства.

Стук его сердца в эту дождливую осеннюю ночь заглушал мерный шум капель за окном. Юань Синь приподнялся на локте, подперев голову рукой, и задумчиво посмотрел на спящего парня. Его пальцы, невесомые и нежные, коснулись мягких губ Сяочуаня. Он бережно, едва касаясь, очертил их контур, задерживая руку на теплой коже.

Ночная тьма служила идеальным прикрытием. Она размывала границы дозволенного, делая хрупкими и беззащитными те невидимые барьеры, которые они усердно выстраивали при свете дня.

Юань Синь наклонился чуть ниже, сокращая и без того крошечное расстояние между ними. Теперь он отчетливо чувствовал теплое дыхание Сяочуаня на своем лице, улавливал тонкий, едва заметный запах его тела и, как ему казалось, слышал частый стук его сердца.

В эту дождливую осеннюю ночь Юань Синя захлестнуло странное, полузабытое чувство. Нечто подобное он уже испытывал когда-то очень давно. Настолько давно, что грань между явью и снами стерлась окончательно, превратив эти воспоминания в зыбкую фантазию.

Он осторожно обхватил Сяочуаня за талию, помогая ему перевернуться на другой бок, и крепко прижал к себе это податливое, юное тело. Даже в крошечной темноте Юань Синь отчетливо видел его безмятежное, удивительно трогательное лицо.

Под тяжелым теплым одеялом они лежали, тесно прижавшись друг к другу, словно само небо предназначило им эту близость.

Юань Синь не знал наверняка, что творится в мыслях Сяочуаня. Он понимал, что тот, скорее всего, не испытывает к нему никаких ответных чувств. Но в одном он был уверен на все сто процентов: Сяочуань его не боится и не избегает. Иначе этот ершистый, вечно настороженный парень никогда бы не уснул в его объятиях так крепко и сладко, доверчиво принимая его тепло.

Ведь он прекрасно слышал, как Сяочуань сквозь сон звал его по имени. Едва различимо, на грани шепота, но звал. В этот момент вечная, леденящая пустота в груди Юань Синя наконец-то заполнилась живым, трепетным теплом. Пусть пока не до краев, но этого было достаточно, чтобы его душа воспарила над серостью будней, празднуя свою маленькую, тайную победу.

<http://bllate.org/book/18295/1760597>